

УДК 339.137

*Лукьянова Е.А., д. ю. н, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова,
советник Российской Федерации 1 класса*

КОНКУРЕНЦИЯ В ПОЛИТИКЕ = КОНКУРЕНЦИИ В БИЗНЕСЕ?

Обращение к читателям. Началось все с того, что на экономической конференции мне задали вопрос о состоянии современной политической конкуренции. Вопрос не новый и вполне понятный. Но, учитывая специфику обстановки, этот вопрос получил вполне естественное экономическое продолжение: «Здоровая конкуренция в политике и здоровая конкуренция в бизнесе — насколько эти два понятия связаны?». Честно говоря, специально об этом соотношении я никогда не задумывалась. Дело в том, что правовое регулирование политического плюрализма и антимонопольной деятельности относятся к двум разным мало пересекающимся юридическим специальностям. Тем не менее мысль засела в мозгу, я стала фиксировать все, касающееся данной темы. И вдруг оказалось, что вопрос этот постоянно носится в воздухе. Он буквально «наэлектризован» условиями современной экономической действительности.

Можно ли поставить знак равенства между конкуренцией в политике и конкуренцией в бизнесе? Верен ли вывод о том, что политический монополизм неизбежно приводит к снижению здоровой конкуренции в экономике? По своей актуальности эти вопросы наряду с вопросом о так называемом преемнике сегодня почти сравнялись с неизбывными российскими «Что делать?» и «Кто виноват?». Понимая, что одного юридического взгляда на проблему явно недостаточно, поскольку она вообще лишь производно юридическая, предлагаю открыть дискуссию и обсудить этот вопрос всесторонне. Я же, как специалист по конституционному праву попробую лишь прикоснуться к ней с точки зрения моей узкой специальности — правового регулирования отношений государственной власти.

Общая характеристика современной политической конкуренции в России

Сам по себе термин «политическая конкуренция» — не вполне удачен и не употребляется в правовом обороте. Ведь конкуренция в социальном смысле это соперничество на каком-либо поприще между отдельными лицами, заинтересованными в достижении одной и той же цели каждый для себя лично. Для общественных процессов в этом термине неверно само целеположение, направленное на индивидуума, а не на общество в целом. Здесь уместнее

и точнее говорить о политическом плюрализме. Но, во-первых, вопрос был поставлен экономистами, у которых имеется другое определение конкуренции. Во-вторых, реалии нашей общественной жизни свели принцип политического плюрализма до уровня примитивного политического манипулирования, основанного на политическом карьеризме. Поэтому, оценивая современное состояние политической системы российского общества, этот термин может быть использован условно.

Политическая конкуренция представляет собой набор механизмов, обеспечивающий действие основных форм наро-

довластия: непосредственной, представительной и консультативной демократии.

Это касается референдума, на который население может вынести решение вопросов государственной и общественной жизни, отличных в своей постановке от предлагаемых действующей властью. Это касается права граждан на объединение в политические и неполитические организации и права этих организаций честно конкурировать с другими на политическом поле. Это касается выборов, в ходе которых избиратели могут отдать предпочтение кандидатам или избирательным объединениям, предлагающим альтернативные варианты развития и их мнение будет реально учтено.

Это, безусловно, касается функционирования представительных органов, где работа над проектами нормативных правовых актов должна проходить в условиях сопоставления различных мнений. В этом — гарантия качества законов. Когда проект безальтернативен, а его текст заранее «обречен» на принятие без конструктивной мозговой атаки, снижается не только уровень такого проекта, но и степень его поддержки населением. Парламент в этом случае теряет свое основное смысловое содержание — он перестает быть зеркалом общества и не способен отражать весь спектр чаяний избирателей.

Это, конечно же, касается и порядка формирования исполнительных и судебных органов власти. Чиновник или судья, понимающий, что его номенклатурное благополучие зависит не от качества и результатов его работы, не от доверия людей к этим результатам, а от степени лояльности и «системности» своих поступков, не имеет стимулов к радению за дело. Он конкурирует не с теми, кто лучше знает и умеет, а с теми, у кого линия прогиба спины приятней взору того, от кого зависит продление его полномочий.

Сегодня следует констатировать, что состояние современной российской поли-

тической конкуренции, мягко говоря, весьма далеко от понятия конкуренции в целом. Анализ институтов **непосредственной демократии** показывает следующее:

В стране фактически уничтожен институт референдума. Правовое регулирование порядка его инициирования и назначения доведено до состояния реальной невозможности ни инициировать всенародное голосование, ни назначить его без политической воли «сверху».

Правила подготовки, проведения и подведения итогов выборов претерпели такие изменения, которые привели к настоящему времени к невозможности достоверного выявления воли граждан при формировании высших органов государства. Об этих изменениях так много говорят, что нет нужды повторяться. Хочется только обратить внимание на некоторые нюансы, на которых общественное внимание сосредоточилось меньше. Речь идет, во-первых, об обеспеченном законодательством и судебной практикой неравенства доступа кандидатов к СМИ. Во-вторых, об ограничении прав наблюдателей на выборах и о праве их удаления с избирательных участков. В-третьих, о праве избирательных комиссий переписывать протоколы в случае обнаружения в них ошибок. В гармоничном сочетании с административным обеспечением (приказным невмешательством) применения грязных избирательных технологий все это стало тем завершающим штрихом, который исказил смысл выборов, превратив их из важнейшего института непосредственной демократии в инструмент безусловного обеспечения определенного парламентского большинства, преимущества и безальтернативности действующей власти.

Из политического процесса исключены все общественные объединения, кроме политических партий. Для самих же партий в ходе их регистрации и выдвижения на выборах созданы неравные условия и сложнейшие бюрократические барьеры,

позволяющие выжить только строго определенным и буквально «зачищать» политическое поле от партий оппозиционных или несогласованных (несистемных).

8 июля 2000г. в самом первом своем Послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «России необходимы партии, которые пользуются массовой поддержкой и устойчивым авторитетом... Опыт показал, что чиновничьи партии погибают мгновенно, как только попадают из тепличных условий в конкурентную среду...»¹. Однако за прошедшие семь лет эта совершенно правильная президентская установка в условиях новой политической действительности трансформировалась в свою противоположность. Была образована новая чиновничья партия. Именно для того, чтобы не допустить ее гибели, и были созданы особо благоприятные тепличные условия вплоть до искусственной ликвидации конкурентной среды.

Например, недавно по этим самым условиям Верховный Суд ликвидировал Республиканскую партию, насчитывающую в своих рядах 58 тысяч членов и собиравшую на всех четырех предыдущих федеральных избирательных кампаниях более одного миллиона голосов². Оставшиеся оппозиционные партии и, в первую очередь, КПРФ, существуют в режиме жесточайшего неблагоприятствования. В итоге граждане существенно ограничены в возможности оценки политических конкурентов действующей власти.

Представительная демократия

В результате неконкурентных выборов федеральный парламент перестал быть конструктивной силой, способной дости-

гать политического компромисса, потерял свое представительное «лицо» и превратился в примитивную штамповальную машину для утверждения законопроектом, поступающих в него извне. Более того, его собственным Председателем он объявлен «зоной, свободной от дискуссий». А ведь собственно в этом и есть смысл представительной демократии, когда решения парламента вырабатываются в условиях столкновения мнений депутатов, представляющих различные группы избирателей.

Последовательно осуществляется курс на полное подчинение региональных представительных органов власти органам исполнительным в сочетании с ликвидацией общественного и парламентского контроля за последними. Отменена выборность глав субъектов Федерации. При этом Президенту предоставлено право роспуска парламента субъекта, если он откажется согласовать кандидатуру, предложенную главой государства. Недавно в Государственную Думу внесен законопроект, позволяющий соответствующим главам администраций распускать практически любой представительный орган за любую «проvincность» (вплоть до пропуска депутатами заседаний).

Судебная власть также поставлена в прямую и непрекаемую зависимость от власти исполнительной.

Приведены в полную «негодность» с точки зрения их реализации и все формы **консультативной демократии**: всенародные обсуждения проектов законов, народная законодательная инициатива, право петиций и т. д.

Постепенно методами бюрократического воспрепятствования и прямого подавления изживается практика проведения оппозиционных публичных мероприятий.

Постепенно исчезает свобода слова. В общественном обиходе вновь появились словосочетания «этого не напеча-

¹ www.kremlin.ru

² См.: Нет такой партии. // «Новая газета». №21 (1241), 26-28.03.2007. С. 6.

ют» и «этого не покажут». И ведь не печатают и не показывают. Журналисты срочно восстанавливают давно забытые навыки писать и говорить между строк, а мы вновь учимся это «междустрочие» понимать.

Таким образом, даже самый обобщенный взгляд на проблему показывает, что основные механизмы политической конкуренции, обеспечивающие народовластие, в современной России либо не работают вообще, либо их действие в силу специфики применения не достигает политически конкурентного результата (экономисты оценили бы их как механизмы недобросовестной конкуренции).

Причины отсутствия политической конкуренции

Когда мы говорим: «Власть поступает неправильно. Она должна вести себя иначе», — мы исходим из нашего собственного видения того, какой должна быть эта власть, или из того, что написано в Конституции. Действия всякой власти соотносятся с ее сущностью, т. е. с интересами тех, кому она принадлежит и чьи чаяния выражает. Как только что было доказано, власть в России принадлежит совсем не тому субъекту, который зафиксирован в Основном законе (имеется в виду народ). А значит, она никому ничего не должна, кроме своей собственной социальной базы с ее собственными экономическими интересами именно в силу своей сущности. Более того, тотальное свертывание механизмов политической конкуренции во имя того и происходит, чтобы эта самая сущность (принадлежность власти) не изменилась. Власть защищает самое себя. И это, повторяю, естественно для всякой власти. Потому что, по точному замечанию Д. Быкова, люди, умеющие что-нибудь делать по-настоящему, при первом же сравнении «немедленно

вытеснят из топ-листа всю нынешнюю деловую и политическую элиту»³.

Другой вопрос — устраивает ли такое положение общество. И как следует относиться к коллизии между конституционными установлениями и фактическим положением дел?

Судя по всему, общество сложившаяся ситуация не устраивает вовсе. Особенно ярко это видно по результатам выборов 11 марта 2007 г. со всеми, последовавшими за ними скандалами и разоблачениями. В Хабаровске, например, явка избирателей составила всего 14%, а в Матвеевском сельсовете в Курганской области к урне для голосования пришли всего два человека — кандидат в депутаты и его приятель, что по новым правилам обеспечило 100-процентное избрание кандидата депутатом⁴.

Низкая явка избирателей — это проявление недоверия населения к власти. А недоверие народа, как известно, ведет к ослаблению власти. Не чувствуя себя уверенной, власть вынуждена еще больше сворачивать демократические механизмы и усиливать принудительный аппарат. Следуя инстинкту самосохранения, она уже допустила целый ряд ошибок: запретила участие в выборах всех «неполитических» общественных объединений, отменила предвыборные блоки, отменила графу «против всех», убрала порог явки и т. д. и т. п. Все это, в свою очередь, влечет за собой еще большее недоверие населения к власти. Таким образом, мы вступаем в порочный круг — власть снова вынуждена самообороняться. Но ведь всякому принуждению есть предел, за которым наступает взрыв.

Что же касается действующей Конституции Российской Федерации, то с точ-

³ Быков Д. Без слов. <http://www.polit.ru/author/2006/11/21/surkov.html>

⁴ См. Урны грязи не боятся. // Новая газета. № 18 (1238), 15-18.03. 2007. С. 3.

ки зрения сущности власти и формы государства данная Конституция является фиктивной⁵, т. е. ее положения не соответствуют действительности. Разрыв между конституционными установлениями и реальностью, к сожалению, существовавший изначально на момент ее принятия, за прошедшие с 1993 г. время значительно увеличился. А ведь еще весной 1994 г. замечательный юрист и политик В. Б. Исаков назвал этот Закон «Конституцией, по которой невозможно жить» и обосновал свою точку зрения⁶. Через пять лет академик О. Е. Кутафин оценил прошедший период действия Основного закона страны следующим образом: «У меня иногда складывается мнение, что Конституция была принята только для того, чтобы создать видимость наличия в стране новой Конституции»⁷. Однако, несмотря на абсолютное единодушие специалистов самой различной политической направленности, в Конституцию до сих пор не внесено ни одной даже самой малозначительной поправки. Потому что демократическая ширма «народного» Основного закона, в котором политический плюрализм (а, значит, и политическая конкуренция) является одним из важнейших принципов конституционного строя, используется властью как один из важнейших элементов самообороны. За ней она чувствует себя чуть-чуть уверенней.

⁵ См. по этому вопросу: *Лассаль Ф.* О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. — СПб., 1906; *Ленин В.И.* Как социалисты-революционеры подводят итог революции и как революция подвела итог социалистам-революционерам. — Полн. собр. соч. Т. 17. С. 339-353.

⁶ *Исаков В. Б.* Конституция, по которой невозможно жить // Конституционный вестник. 1994. № 1 (17). С. 33-36.

⁷ *Кутафин О.Е.* Конституция и проблемы ее реализации. // В сб. Российский конституционализм: проблемы и решения (материалы международной конференции). — М., 1999. С. 201.

Еще одной причиной неподобающего состояния политической конкуренции в современной России является наивно-амбициозное представление о том, что политическая организация общества, лишенная политической конкуренции, более управляема. Но так же, как на дереве нет двух одинаковых листьев, так же, как нет на свете двух людей с абсолютно одинаковым папиллярным узором пальцев, так и в обществе невозможно единомыслие. Многообразие мнений является неотъемлемо-естественным его состоянием. Искусственные условия, не позволяющие этому многообразию проявляться, а мнениям конкурировать между собой и быть альтернативой официальной точки зрения лишь приводят к накоплению огромной невостребованной энергии конкурентных сил, которой со временем становится все больше и больше.

И чем больше эта энергия, тем труднее держать ее в подчинении, тем более сложными становятся принудительные механизмы и методики подавления. Совершение принудительных мер для обеспечения неконкурентного политического поля обычно называют «закручиванием гаек». Хотя это процесс больше напоминает сжатие пружины. Рано или поздно энергия все равно найдет себе выход. И чем сильнее была сила сжатия, тем мощнее будет противодействие.

Недавний исторический опыт тому подтверждение. Летом 1988 г., анализируя состояние экономики СССР, делегаты XIX партийной конференции сделали вывод о том, что кризисная ситуация в стране во многом обусловлена серьезной деформацией политической системы общества, которая наступила в результате длительного отсутствия политической конкуренции. Итогом конференции стала та самая редакция Конституции СССР, которая дала старт политическому плюрализму, реальному народовластию и многим другим демократическим процессам, последовавшим за ее

принятием. С тех пор прошло почти два десятилетия. С точки зрения политической конкуренции в обществе мы вернулись практически к тому же состоянию, от которого сознательно уходили двадцать лет назад. Очень не хотелось бы делать вывод о том, что такова особенность российской диалектической спирали.

Соотношение политической и экономической конкуренции

Все, о чем будет идти речь дальше, не претендует на истину в последней инстанции, поскольку требует дополнительного научного анализа. Это всего лишь гипотеза, размышление на уровне «прикосновения», но и именно эта часть является предметом для дискуссии.

Вряд ли у кого-нибудь вызывает сомнение утверждение о том, что состояние конкуренции в экономике теснейшим образом связано с деятельностью государства. Государство определяет (или же вовсе не определяет) законодательные антимонопольные ограничения и обладает механизмами, способными предотвратить или, наоборот, поддержать недобросовестную конкуренцию. Кроме этого, проводя экономическую политику, государство может *de facto* установить определенные «правила игры» на экономическом поле, в ряду которых условия конкуренции являются одними из важнейших.

Как уже говорилось, действия всякого государства соотносятся с его сущностью, т. е. с интересами тех, кому она принадлежит и чьи чаяния выражает. Власть никому ничего, кроме своей собственной социальной базы с ее собственными экономическими интересами, не должна именно в силу своей сущности. Из всех многочисленных теорий происхождения государства наиболее реальной представляется классовая теория, в соответствии

с которой экономически господствующий класс создает государство как аппарат принуждения для охраны своих экономических интересов. Класс собственников всегда исключал из процессов политической конкуренции своих антагонистов (рабовладельцы — рабов, феодалы — крестьян, крупная буржуазия — рабочих), чтобы не допустить к установлению правил экономической конкуренции тех, кто может воздействовать на ее результаты невыгодным для этого класса образом.

Советская власть на первом этапе своего развития делала то же, что делает всякая власть в любом государстве — боролась со своими противниками. Только в отличие от других государств эта борьба была легализована Конституцией. С юридической точки зрения она выражалась в лишении представителей бывших эксплуататорских классов (крупных собственников) избирательных прав, т. е. в отстранении их от участия в политической конкуренции. И хотя это было меньшинство граждан, оно тем не менее составляло значительное число. В Конституции РСФСР 1918 г. было перечислено шесть категорий лиц, лишенных избирательных прав по классовому принципу (ст. 65).

Таким образом, можно предположить, возможные варианты соотношения политической и экономической конкуренции в современном мире.

Модель первая: «Сбалансированное соотношение», когда состояние экономической и политической конкуренции более или менее соответствуют друг другу.

А. Государство ограничивает доступ к политической конкуренции определенным классам, которые формируют соответствующие правила экономической конкуренции для меньшинства.

Б. Во имя сглаживания антагонистических противоречий и достижения гармо-

низации общества государство расширяет свою социальную базу и распространяет на нее правила добросовестной политической конкуренции. В результате этого формируются властные структуры, устанавливающие правила добросовестной экономической конкуренции для большинства. Такое государство может даже брать на себя определенные патерналистские социальные функции, поскольку тогда значительно повышается уровень жизни населения в целом и снижается угроза нестабильности устоявшихся политических институтов.

В. Государство отрицает частную собственность, экономическая конкуренция утрачивает свое значение и приобретает черты производственного соревнования, результаты которого оцениваются государством. Политическая конкуренция также изменяет свои плюралистические черты, превращаясь в регулируемое государством народное представительство, смысл которого постепенно выхолащивается в силу своего искусственного содержания.

Г. За ширмой фиктивных демократических конституционных установлений в целях самосохранения государство устанавливает правила недобросовестной политической конкуренции, которые обеспечивают нахождение у власти узкого круга лиц, во имя узкоэкономических интересов которых под прикрытием фиктивного антимонопольного законодательства действуют фактические правила недобросовестной экономической конкуренции (административная олигархия).

Модель вторая: «Несбалансированное соотношение».

Несбалансированное соотношение политической и экономической конкуренции свойственно, как правило, переходным этапам в жизни государства. Они существуют там и тогда, где и когда происходит разрыв между действующими условиями

реализации принципа политического плюрализма и меняющимися экономическими интересами власти. Эти модели недолговечны, поскольку ни одно государство не может нормально функционировать в условиях такого дисбаланса. Рано или поздно власть приводит состояние политической и экономической конкуренции в сбалансированное состояние.

А. Государство мешает бизнесу. Наличие здоровой политической конкуренции может привести к власти или, как минимум, в законодательные органы лиц, противостоящих интересам экономически господствующих классов. В этом случае бизнес путем подкупа и внедрения «грязных» избирательных технологий создает условия для лоббирования своих интересов, в том числе для создания необходимых на данный момент условий экономической конкуренции. Таким образом, он пытается захватить лидирующие посты в государстве (финансовая олигархия). Смысл политической конкуренции сужается до того уровня, который удобен и выгоден бизнесу.

Именно по такому сценарию проходил радикальный слом советского государственного строя. Изначально его главным лозунгом был лозунг «восстановления парламентаризма». При этом реальная возможность населения каким-либо образом влиять на дела государства фактически была сведена к голосованию на выборах при упразднении всех остальных инструментов непосредственной демократии. Сами же выборы за семь лет, прошедших с момента принятия Конституции, и законодательно, и на практике трансформировались весьма своеобразно. Очень точно охарактеризовал это своеобразие трансформации российской избирательной системы один из активнейших «конструкторов» этого процесса, впоследствии отлученный от него властью, Б. А. Березовский: «Власть в России нанимается капи-

талом, и форма этого найма называется выборами»⁸.

Не менее откровенно высказался в феврале 2001 г. на встрече в Риме Председатель Правительства Российской Федерации М. М. Касьянов. Полностью игнорируя ст. 2 Конституции, он заявил, что «защита государства не может быть для нас приоритетом. А вот защита прав собственников и собственности — это и есть наш приоритет»⁹.

Б. Бизнес мешает государству. Вернее финансовая олигархия вызывает недовольство пришедшей к власти и последовательно укрепляющей свои позиции олигархии обычной (в нашем случае — административной). Путем репрессий и «заказного» уголовного преследования административная олигархия оттесняет от власти олигархию финансовую. Собственность финансовых олигархов перераспределяется в пользу новой власти, постепенно устанавливаются новые правила политической конкуренции при отсутствии нормальной конкуренции в бизнесе.

В дискуссии о причинах бедности в России, организованной радиостанцией «Эхо Москвы», С. Ю. Глазьев сказал: «...Причина бедности заключается в крайне неэффективной экономике, где нет механизмов рыночной конкуренции. Рынок фактически управляется криминалом и монополистами, при попустительстве коррумпированных государственных правоохранительных органов (т. е. через институты государства, сформированные с помощью недобросовестной политической конкуренции — Е. Л.)». И дальше: «...Если в нормально организованной экономике путь к богатству лежит через добросовестный труд, добросовестное предпринимательство, через инвестиции, новые технологии, то у нас путь к богатству

лежит через присвоение чужого (т. е. через недобросовестную экономическую конкуренцию — Е. Л.)»¹⁰.

В этой ситуации чрезвычайно символическим является облик греческой богини правосудия, статуя которой помещена над входом в новое здание Верховного Суда России. Наша современная российская Фемида оказалась без повязки на глазах. Юристам же остается только восклицать: «Господа, немедленно завяжите глаза Фемиде!»

Перечень предложенных моделей и их вариаций наверняка далеко не исчерпывающий. Но даже на этой основе можно сделать некоторые предварительные **выводы**.

1. Здоровая конкуренция в политике и здоровая конкуренция в бизнесе — понятия, безусловно, связанные. Здоровая конкуренция в политике возможна, если она соответствует экономическим интересам власти.
2. Соотношение политической и экономической конкуренции зависит от того, насколько провозглашенная форма государства соответствует экономической основе власти.
3. Утверждение о том, что здоровая политическая конкуренция влечет за собой здоровую конкуренцию в бизнесе неверно, поскольку зависимость, скорее, обратная. Только потребность государства в здоровой экономической конкуренции заставляет нормально работать механизмы политического плюрализма. И, наоборот, экономическая политика государства, основанная на недобросовестной конкуренции, приводит к свертыванию институтов конкуренции политической.

⁸ См.: Лукьянов А. И. Метаморфозы российского парламентаризма. // Искра. Март 2002. С. 92.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ <http://echo.msk.ru/programs/exit/50081/index.phtml>

4. Общество, в котором искусственно ограниченная политическая конкуренция со временем приобретает взрывоопасный характер, чреватый насильственным изменением власти и правил экономической конкуренции.

Для формирования конкурентной среды в политике и в экономике необходимо четкое понимание того, что эти два понятия теснейшим образом взаимосвязаны и взаимозависимы. Однако при всей очевидности данного постулата в реальной жизни экономисты, определяя перспективы развития российской экономики «варятся в своем соку», а юристы и по-

литики в своем. Можно построить любую красивую модель инновационного развития, но еще более важно «привязать» эту модель к реальности политического бытия. Сегодня как никогда остро стоит вопрос о стыке наук, поскольку только на этом стыке можно найти ответ на вопрос о мере возможности реализовать ту или иную экономическую модель. Потому что в итоге мы все равно все время будем упираться в один и тот же вопрос, который является главным вопросом всякой революции, всякой конституции и всякого государства, — в вопрос о власти и ее сущности.

Статья поступила в редакцию 16.04.2007

*Professor E. Lukyanova,
Doctor of Sciences (Law), Lomonosov Moscow State University*

COMPETITION IN POLITICS AND BUSINESS COMPETITION: AN EQUALITY MARK?

Please find below a short comment from me that I send to the readers.

It all began when some people at an economic theory conference asked me to tell them about the status quo in the modern competition in politics. The question is nothing new and the reasons why it is asked are understandable enough. But given the venue where it was asked, it was naturally extended and finally looked like: "If we take the concepts of healthy business competition and healthy competition in politics, can we establish a link between the two?" Frankly, I never thought about that. The reason for that is the fact that the legal regulation of the antimonopoly measures and the political pluralism policies regulation are the subject matters of two quite different specializations in the legal profession. Nevertheless, I made a mental note about the problem identified to me, and I started making real notes on paper on matters related to the theme. Then it suddenly turned out the idea to discuss the problem was in the air and the modern economic conditions really "produced" the question.

Can we put an equality mark between the competition in politics and business competition? Is it true that political monopolies inevitably bring about more unhealthy competitive business practices? The questions seem to be as pressing as the usual Russian questions "Who is to blame?" and "What should be done?" and the question of who would rule the country in the future. I understand that the problem cannot be examined from the point of view of a legal professional only as the problem is only partially legal. That is why I suggest a multidisciplinary discussion should be opened. As a specialist in the constitutional law that examines the legal regulation of the state power, I shall try and examine the problem from a legal specialist's point of view.